

Показано, что продукт гена XRCC3 непосредственно взаимодействует с белком RAD51 и занимает одно из ключевых мест в процессах гомологичной рекомбинации. В ряде исследований по типу случай-контроль была доказана связь гена XRCC3 с риском развития РМЖ. В период 2007-2014 гг. было проведено три мета-анализа, посвященных роли полиморфизма p.T241M (XRCC3) как фактору риска развития РМЖ. В частности, показано, что аллель Т статистически значимо повышает риск развития РМЖ. Эти же результаты были подтверждены в еще одном независимом мета-анализе. Таким образом, была показана роль ОНП p.T241M гена XRCC3 в увеличении риска РМЖ.

В процессе генографических исследований были определены частоты распространенности генотипов и аллелей для трех полиморфных вариантов в трех генах в группах пациентов с РМЖ (основная группа) и контрольной группы, проведен статистический анализ с использованием критериев χ^2 и отношения шансов (ОШ) с 95% доверительным интервалом (ДИ). На основании проведенного генотипирования были получены следующие выводы, необходимые врачам-клиницистам и исследователям:

- установлено, что отобранные нами полиморфные варианты генов системы репарации (XRCC3), фолатного цикла (MTHFR) и глутатион-S-трансферазы (GSTP1) ассоциированы с одинаковой повышенной вероятностью развития спорадического РМЖ в белорусской и узбекской популяциях; при этом не выявлено специфического влияния на его развитие образа жизни популяций и социокультурных, в том числе, биотических факторов,

- В белорусской популяции генотипами, ассоциированными с повышенной вероятностью развития РМЖ, являются генотип C/T полиморфного локуса rs861539 гена XRCC3 ($p=0.038$), генотип G/G полиморфного локуса rs1695 гена GSTP1 ($p=0.046$), а также генотип A/C полиморфного локуса rs1801131 гена MTHFR ($p=0.041$).

- В узбекской популяции генотипами, ассоциированными с повышенной вероятностью развития РМЖ, являются генотип C/T полиморфного локуса rs861539 гена XRCC3 ($p=0.038$), генотип G/G полиморфного локуса rs1695 гена GSTP1 ($p=0.03$), а также генотип A/C полиморфного локуса rs1801131 гена MTHFR ($p=0.039$).

Полученные результаты позволяют оценить и выявить риск развития РМЖ, распределить женщин по группам повышенного и низкого риска, что может способствовать улучшению ранней диагностики и проведению своевременного лечения больных.

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ЭТИКА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ EXTREME ETHICS IN EXTREME SITUATIONS

Т. В. Мишаткина

T. V. Mishatkina

*Белорусский государственный университет, МГЭИ им. А.Д. Сахарова БГУ,
г. Минск, Республика Беларусь
Belarusian State University, ISEI BSU, Minsk, Republic of Belarus*

Рассматривается вопрос о необходимости смены этической парадигмы в экстремальных условиях существования человечества: глобального изменения климата и пандемии коронавируса. Ставится вопрос о пересмотре статуса категории «небытие»; о необходимости перехода от деятельностно-агрессивного подхода в отношении к природе к адаптивному подходу; об отношении к экологическим и др. катастрофам (в том числе эпидемиям и пандемиям) как объективным формам саморегуляции баланса народонаселения и природных ресурсов.

The problems of the ethical paradigm changing in the extreme conditions of human existence (global climate change and the coronavirus pandemic) are considered. The question of the revision for the category “nonexistence” status is raised; the necessity to move from an activity-aggressive approach in relation to nature to adaptive approach including the attitude to environmental and other disasters (including epidemics and pandemics) as objective forms of self-regulation resulted via the balance of population and natural resources are under discussion.

Ключевые слова: этическая парадигма, экстремальная этика, небытие, адаптивный подход.

Key words: ethical paradigm, extreme ethics, nothingness, adaptive approach.

<https://doi.org/10.46646/SAKH-2021-1-68-71>

Более 100 лет назад, в начале XX века умами российской интеллигенции завладела знаменитая молитва святого Иоанна Кронштадтского: «Господи! Дай мне силы, чтобы изменить то, что возможно, дай мне мужество вынести то, что изменить невозможно, и дай мне мудрость, чтобы отличить одно от другого». Эта молитва – как наказ людям принимать мудрые решения в условиях неопределенности, опасностей и рисков. Современная кли-

матическая и биомедицинская ситуация по объему, глубине и своим последствиям – ситуация неординарная, *ситуация экстремальная*, которая требует особых – экстремальных средств и методов регуляции.

Термин «экстремальная этика» введен выдающимся современным этиком и философом Михаилом Эпштейном совсем недавно [1], в связи с пандемией коронавируса–2019, которая поставила перед человечеством множество этических проблем – как долгосрочных, стратегических, нуждающихся в серьезной умозрительной рефлексии, так и тактических, насущных, которые приходится решать каждый день и даже каждую минуту. Например, медицинская «сортировка» – отбор тех больных, которым в начале пандемии, в условиях дефицита врачей и оборудования нужно было оказывать помощь в первую очередь. Как решить, кого спасти, кому предоставить аппарат искусственного дыхания, а кого тем самым обречь на смерть? Моральный долг врача, как он обычно понимается, обращен к каждому отдельному индивиду: сделать все необходимое для его исцеления. Это отношение один на один. Но когда больных сотни и тысячи, как во время войн и эпидемий, начинает действовать другая, экстремальная этика, которая кажется чудовищной с точки зрения обычных нравственных норм. Приходится сознательно и целенаправленно предоставлять одних агонии и смерти, чтобы излечить других. В таких условиях врач принимает на себя образ Господа Бога и полностью подменяет его в праве выбора – кому жить, а кому умереть. Но какими критериями руководствоваться?

В глобально-стратегическом плане это сигнал к пересмотру сложившихся, устоявшихся и таких привычных мировоззренческих подходов – того, что принято называть *парадигмами*.

В сфере биоэкологического научного знания методолого-мировоззренческим революционным переворотом стала смена антропоцентрической парадигмы в отношениях человека и природы на *не-антропоцентрическую*, которая ставит во главу угла не человека, которому должна «подчиняться» и «служить» вся природа – живая и неживая. Она ознаменовалась появлением в 70-х годах XX века *глобальной биоэтики*, содержанием и целью которой стало осознание человеком себя как части живого и забота обо всех ныне живущих людях; о правах и интересах будущих людей; обо всех живых организмах; об окружающей среде в целом. Эта новая не-антропоцентрическая парадигма поначалу воспринималась как красивая пост-гуманистическая декларация, с которой все умозрительно были согласны, но которая никого ни к чему не обязывала. Мы объявили высшей ценностью гармоничное развитие человека и природы, рассматривая их как элементы единой системы, а человека – как одного из членов природного сообщества, а не собственника природы. А потом, провозгласив эту парадигму, как красивую сказку из «прекрасного далека», продолжаем, как ни в чем не бывало, относиться к природе и ее проявлениям, как встарь – *с позиции управления, использования, борьбы*, а не *с позиции сотрудничества, взаимодействия, коэволюции*. Мы забываем о необходимости *субъект-субъектных отношений* между человеком и природой и не задумываемся о том, что это значит; мы не затрудняем себя *нравственно-понимающим отношением*, сочувствием и со-страданием к ней; нам по-прежнему чужд *«нравственно-экологический императив»* и *«благоговение перед жизнью»*.

Но ведь по своей сути, биоэкологическая этика – это *этика ненасилия, распространенная на отношение человека к природе*. И так же, как в человеческих отношениях, эффективность ее на протяжении тысячелетий была весьма низкой, но обращение к ней оставалось единственным шансом минимизации зла (что человечество начало осознавать лишь сегодня), так и в отношениях с природой: отказ от сознательного причинения ей зла, отказ от насилия по отношению к природным объектам – это «мост в будущее» (В.Р. Поттер) – единственная возможность выживания для человечества – даже с позиций антропоэгоизма.

И только в экстремальных ситуациях (как, например, сейчас – в кризисной ситуации с климатом или коронавирусом) мы начинаем понимать, что отношения с природным миром не могут бесконечно строиться на борьбе, что борьба эта бесперспективна, потому что объективные природные условия существования сильнее и могущественнее человечества – этой временной формы существования материи. И тогда встает вопрос о том, что в экстремальных условиях человечество должно, наконец, учиться использовать преимущество, данное ему природой – разум – с тем, чтобы понять: просто не-антропоцентризма уже недостаточно. В экстремальных условиях человек должен открывать для себя и учиться пользоваться **экстремальной этикой**, которая требует: защиты прав человека и природы в экстремальных условиях; анализа возможных рисков и уязвимости населения; защиты прав будущих поколений; регуляции поведения населения в экстремальных условиях; обязательного применения принципа предосторожности и презумпции опасности, непосредственно связанных с экстремальными условиями.

А это требует *смены ментальной парадигмы*, переосмысления принципов взаимоотношений человека и природных условий бытия. Сегодня это требование стало особенно актуальным и справедливым и по отношению к ситуации, связанной с пандемией COVID–19.

Во-первых, новая ментальная парадигма требует переориентации общественного сознания на признание *небытия* и его первичности, что так непривычно для нашего, все еще марксистского, сознания. «В течение двадцати пяти веков философы, взявшись за руки, водили хоровод вокруг небытия, стараясь заклясть его... Многие философы понимали, что небытие существует. Но и они думали, что небытие существует постольку, поскольку существует бытие». Впервые в советской философии о своем понимании сущности небытия заявил в 1967 году в «Трактате о небытии» доктор философских наук, профессор А. Н. Чанышев, который утверждал, что «небытие не только существует, но что оно первично и абсолютно. Бытие же относительно и вторично по отношению к небытию...» (трактат впервые был разрешен к публикации только после перестройки, в 1990 г.) [2].

В совокупности бытие и небытие отражают «онтологическую судьбу» всех индивидуальных вещей и явлений. Любое из них сначала как бы таится в небытии, его нет в реальности (как до нашего рождения в мире нет каждого из нас); затем оно «приходит» в реальность (в результате действия природных или человеческих сил), существует в ней в течение определенного времени и рано или поздно исчезает, уходя в небытие. А. Н. Чанышев комментировал это так: «Все возникает на время, а погибает навечно». Поэтому всякое явление в мире выступает как неразрывное единство бытия и небытия, оно относительно и в своем бытии, и в своем небытии. Небытие первично, абсолютно и беспредельно во всех отношениях. Чанышев писал: «Небытие окружает меня со всех сторон. Оно во мне. Оно преследует и настигает меня, оно хватается меня за горло, оно на миг отпускает меня, оно ждет, оно знает, что я его добыча, что мне никуда от него не уйти. Небытие невидимо, оно не дано непосредственно, оно всегда прячется за спину бытия. Небытие убивает, но убивает руками бытия... Небытие гонится за бытием по пятам. Последнее стремится вперед, не разбирая дороги, теша себя мечтой о прогрессе, но впереди находим только небытие...; мы бежим от него, а оно, улыбаясь, идет нам навстречу».

В онтологическом плане бытие и небытие постоянно демонстрируют свое единство. Каждое родившееся живое существо (в том числе и человек) смертно. И мы уже давно смирились с этим, а стремление к вечной молодости и бессмертию остаются сладкими грезами и мечтами. Небытие – удел не только отдельных индивидов, но целых видов: вымерли динозавры, мамонты и птица моа. И что дает нам основание считать, что та же участь не уготовлена человеческому роду? Тем более, что в генетике человека нет ничего, что давало бы основание считать обратное.

Вместе с тем сознание небытия не трагично. Оно диалектично: диалектическое воображение соотносит всякое будущее событие с будущим состоянием конкретного субъекта, диалектическая память запоминает события в их последовательности, диалектическое сознание вообще понимает смерть, разлуку, измену, ложь, заблуждение как естественное и первичное.

«Человек небытия мужественен. Его мужество это мужество быть, несмотря на ничто, а не только несмотря ни на что. Он понимает, что всякая ситуация преходяща, он видит ничтожество всякой ситуации на фоне просвечивающего сквозь нее небытия, он смело смотрит вперед без надежды и отчаяния. Человек небытия понимает себя как небытие своего небытия, жизнь как небытие смерти, любовь как небытие ненависти, верность как небытие измены, истину как небытие лжи и заблуждения, свидание как небытие разлуки... Человек приходит из небытия и уходит в небытие, так ничего и не поняв» (А.Н. Чанышев).

Во-вторых, новая ментальная парадигма экстремальной этики предполагает отказ от деятельностно-агрессивного подхода и переход к адаптивному подходу. И поэтому нам, например, импонирует позиция ЮНЕСКО, направленная на выработку эффективной политики по сохранению человечества в условиях глобального изменения климата, основными задачами которой должны стать:

- поиск и разработка путей и методов противостояния этим изменениям;
- адаптация к ним человеческого сообщества;
- соблюдение при решении этих задач прав человека и природы.

Обратите внимание: основные задачи – не *борьба* с изменениями климата (что абсолютно бессмысленно и нереально – так же, как и «борьба» с вирусом), а «поиск и разработка путей и методов *противостояния*» им и одновременно – «*адаптация* к ним человеческого сообщества». Тем более, что, по прогнозам китайских экспертов, работающих по заказу аналитического центра Инженерной Академии КНР, ситуация с пандемией коронавируса будет ухудшаться. Уже к концу марта 2021 года число жертв пандемии в мире может достичь 5 миллионов. Резко подскочит число заболевших – 32 миллиона в США, а в Индии, Бразилии и России – 15,5, 15 и 6 миллионов соответственно. Общее число заболевших вирусом COVID составит 170 миллионов по сравнению с 92 миллионами сейчас. Такие мрачные прогнозы сделаны группой ученых из китайского Центра по контролю и предупреждению заразных болезней. Глава этой группы, профессор Сюй Цзянь призвал руководство и общественность сосредоточиться на отражении атак вируса извне. Китаю удалось взять эпидемию под контроль, однако во многих странах продолжают вспыхивать мутировавшие вирусы. Что касается вакцинации, то она, по мнению профессора, действительно оберегает от имеющихся вирусов, но они слишком быстро мутируют, как и другие разновидности гриппа. Новые штаммы могут затаиться на время, а затем проявляться каждый сезон, как это происходит с гриппом. Множество людей уже больны новыми видами коронавируса, но у них не проявляются симптомы.

Поэтому, как ни кощунственно это звучит, но мы считаем, что бессмысленно говорить о «борьбе» с вирусом. Ведь он не хочет зла человеку, он реализует, как может, свое стремление к выживанию, более того, он «заинтересован» в человеческой жизни (а не смерти). Безусловно, это не означает, что мы должны его холить и лелеять согласно принципу «благоговения перед жизнью». Нет, человечество должно *противостоять* ему, минимизируя его смертельный вред для человека, и, вместе с тем, искать *пути адаптации* к этой и идущим за ним следом другим формам вирусных инфекций. Ведь нам, скорее всего, придется жить вместе с ними и, возможно, долго.

Таким путем адаптации можно считать активную разработку вакцин против COVID-19 в разных странах мира и вакцинацию населения планеты. В качестве примера такого противостояния как успешного сотрудничества с вирусом может рассматриваться опыт вакцинации БЦЖ. В странах, где эта прививка делается или еще недавно делалась (как детям в Советском Союзе или сегодня в Беларуси) заболеваемость этим вирусом и смертность от него в 10 раз ниже.

В качестве возможности и продуктивности такой адаптации можно рассматривать радикальное изменение отношения к статусу ВИЧ и людям ВИЧ-инфицированным, благодаря достижениям современной медицины

и генетики. Сегодня люди с «ВИЧ-неопределенной нагрузкой» не рассматриваются больше как обреченные, как источники инфекции. Они могут вести обычный образ жизни и дожить до глубокой старости. А ведь совсем недавно ВИЧ был источником стигматизации и дискриминации, к ВИЧ-инфицированным относились в обществе как к прокаженным, настаивая на их глубокой изоляции.

Еще одно «этико-кошунственное» замечание относительно COVID-19 и других пандемий в истории человечества, свидетельствующее о необходимости пересмотра традиционных парадигм, также носит неоднозначный и небесспорный характер. Не будучи ни в коей мере сторонниками неомальтузианства, мы готовы призвать наших читателей подумать над справедливостью Закона народонаселения Мальтуса, который он сам считал вечным, незыблемым законом природы. Опираясь на тот факт, что народонаселение Земли растет в геометрической прогрессии, тогда как средства существования растут в арифметической прогрессии, и в силу действия закона убывающего плодородия возникает тенденция отставания роста продовольственных ресурсов от роста населения, многие концепции неомальтузианства (теория оптимума населения Г. Брауна и Дж. Боннера, идеи Г. Тейлора и П. Эрлиха) опираются на утверждения о росте народонаселения как единственной причине экологического кризиса. Выдвигаются довольно циничные (но в то же время весьма логичные) предположения, что экологические и др. катастрофы, в том числе эпидемии и пандемии являются формой саморегуляции баланса народонаселения и средств существования. В качестве подтверждения приводятся исторические примеры резкого скачка развития Европы после средневековых эпидемий чумы и холеры.

Природа не терпит пустоты и если освобождается некая экологическая ниша, то она немедленно заполняется, и это положение вполне приложимо к ситуации с вирусами: мы успешно справились с гепатитом А, но ему на смену пришли опасности и риски заражения гепатитами В и С и т.д. Этот пример – доказательство того, что «полная победа» над конкретным видом вирусов так или иначе приведет к появлению более опасных новых форм. В связи с этим представляется справедливой позиция Ганди, который считал, что популяционный иммунитет возможен только в условиях постоянного (и неизбежного) контакта с возбудителями.

В этих условиях речь идет об объективной необходимости и неизбежности смены этических парадигм, становящихся *экстремальной этикой в экстремальных условиях*. Или, по крайней мере, о необходимости философской рефлексии по поводу смены этих парадигм. Это тем более актуально и необходимо, что сегодня перед практическими медиками-клиницистами и биологами и генетиками-исследователями со всей остротой встала проблема тяжелого морального выбора – в прямом смысле слова между жизнью и смертью.

Методологической основой такого морального выбора и разрешения ситуаций так или иначе выступают такие философские системы, как *утилитаризм* и *эгалитаризм*. Для первой высшая цель – дать наибольшее «количество здоровья» наибольшему числу людей. Одни и те же ресурсы, если распределить их между «излечимыми», могут продлить жизнь большего числа людей на большее число лет. Вторая система требует предоставить всем равные условия для выживания и благоденствия, а значит, проявить больше заботы о тех, кто больше всего нуждается в этом, то есть выровнять доступ к благам медицины за счет преимущественной помощи наименее защищенным, компенсируя лечением их физическую недостаточность. Кроме того, с точки зрения утилитаристской этики медицинская полезность, то есть объем продленной физической жизни на единицу затраченных ресурсов, может дополняться социальной полезностью. Поэтому в первую очередь помощь должна оказываться тем, кто сам оказывает помощь, – врачам, сестрам, санитарам, а также работникам спасательных служб. Проблема эта уже неоднократно озвучивалась (в разных странах сообщалось о высокой заболеваемости Covid-19 среди медиков). Но, к сожалению, мало кто озадачивался тем, что поскольку они спасают других людей, они заслуживают приоритетного лечения, которое тем самым умножит благотворное действие медицины: вылечивши врача – вылечивши его будущих пациентов. Если же социальную полезность рассматривать еще шире, не ограничиваясь медициной и физическим выживанием, но имея в виду благо цивилизации и всего человечества, то видный политик, ученый, инженер, филантроп, артист – люди, доказавшие свою полезность обществу, также должны попасть в приоритетную группу спасаемых, поскольку, помогая им, мы обеспечиваем социальное, экономическое, научно-техническое, художественное развитие цивилизации в поствирусную эру. Очевидно, именно в этом вопросе утилитаризм особенно остро противостоит эгалитаризму, который требует в первую очередь спасать слабых, пренебрегая сильными и здоровыми, которые сами о себе позаботятся. Утилитаризм, напротив, исходит из того, что здоровым (в том числе молодым) и сильным (в том числе профессионально полезным и социально значимым) нужно помогать в первую очередь, поскольку от их выживания зависит благополучие и всех остальных. Поэтому усилия медиков должны быть направлены на укрепление тех приоритетов, которые обозначены в самом бытии природы и общества, а не применять их в пользу слабых и бедных.

Какая система более справедлива – ориентированная на самых сильных или самых слабых, самых нужных или самых незащищенных и уязвимых?

Уже в самом начале пандемии всемирно известный современный философ Ю. Хабермас написал в своем блоге: «Никогда еще не было так много знаний о нашем невежестве и о неизбежности действовать и жить в условиях неопределенности». Возможно, он прав?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Эпштейн М. Н.* Кого спасать? Этика на грани жизни и смерти // snob.ru Михаил Эпштейн» Блог» 166523.
2. *Чанышев, А. Н.* Трактат о небытии / А. Н. Чанышев // Вопросы философии. – № 10, 1990.